

зательно делать передачи совместно, чтобы доверять, дружить и ценить тех, кто сидит в соседнем кабинете, закрывает одно эфирное пространство. «Регион–Тюмень» – это талантливые журналисты и прекрасные люди. Бездари тут не задер–

живаются. И я благодарна всем семи годам, что посвятила радио. Это огромный опыт. Я научилась здесь многому – не только быть всегда в форме (даже если пропал голос, даже если температура и страшный бронхит), не только технике

монтажа, но и ответственности за себя, других, за эфир.

Я с любовью вспоминаю всех, для кого работала и к кому каждое утро, каждый вечер обращалась со словами: «Здравствуйте, дорогие друзья!» Я знала, что они меня слышат...

Геральда МЕГЕРЯ

«Я слышу позывные радио...»

Мой первый театральный опыт случился, помню, во втором классе. Мы жили в Ханты–Мансийске. Летом приезжал Тобольский драмтеатр. И меня взяли... У них в практике было брать детей в спектакли. Помню, участвовала в спектакле «Хижина дяди Тома», «Мачеха». Репетировали, учили текст наизубок. Конечно, у детей были лишь реплики. Но это была первая проба и опыт публичных выступлений, он мне пригодился в жизни. В 4–м классе меня уже взяли на радио, и я вела «Пионерскую зорьку». И после школы работала в штате Ханты–Мансийского радио. А с 1964 года – уже на Тюменском областном радио, где без перерыва отработала с большим удовольствием девять лет.

Моим настоящим учителем в профессии был Юрий Борисович Левитан. Я училась немного в МГУ, потом перевелась в Пермский университет (как же! любовь!). Левитан говорил: «Телевидение – это эстрада, а радио – это камерность. Необходимо

пройти школу радио». Так я и стала работать на радио. У нас были тренировки: постановка дыхания, постановка голоса, губ, артикуляция. На телевидении все идет в полуулыбке, а на радио главное – артикуляция. Левитан как–то сказал мне: «Почему не двигаешь губами?» Я тогда совсем молодая была, смелая: «Юрий Борисович, но вы ведь тоже не двигаете верхней губой?!» – «А ты не знаешь, что я был контужен? Бомба упала на радиодом. Чтобы завтра работали губы!» И я начинала утро: «А–и–о–у–а!», скороговорки, поговорки, таблицы, дыхание и т.д. Дыхательные упражнения делаю до сих пор – это очищает легкие, это вообще здоровье.

У меня все время были проблемы со здоровьем,

1-я группа инвалидности. Но когда выходишь в эфир – ничего не болит! Открывается второе дыхание. Погружаешься совершенно в другой мир! На радио звучание слова имеет перво-степенное значение, все остальное забываешь. Любила очень читать стихи. Рядом со мной всегда словарик. Это «золотое» правило. Это школа. Были годы, когда 2-й секретарь обкома партии Александр Константинович Протозанов, готовясь к докладу, звонил П.В. Голомидову: «Позови своего «генерала». Я прибегала в кабинет директора, и Протозанов спрашивал, правильно ли он ставит ударение в словах, верно ли он использовал сочетание слов, потому что радио было образцом правильной русской речи. Как-то я даже подошла к Борису Евдокимовичу Щербине и сказала: «Извините, но Вы не имеете права на ошибку в произношении». И ведь он спокойно это воспринял, сказал «спасибо». Тогда к нам прислушивались. И сегодня, думаю, пора возродить наш великий и могучий русский язык и на радио, и на телевидении.

Со мной работала Екатерина Ивановна Трофимова, умница, красавица. Она читала драматические вещи так, что заслушаешься. Это был самородок. Та-

ких я больше не встречала, у нее был дар. Я считаю: люди должны идти в эту профессию, обладая природными данными. Можно наработать штампы, но звучание голоса, слова – от природы. От Бога. И еще, что ты почувствовал в этом тексте? Думай сердцем! И твоя теплота передается людям – слушателям.

Мой конек – это новости, информационный материал. На радио и телевидении мы работали не только читающими дикторами, мы брали интервью, это было нормально. Практически были ведущими. Я бывала на конференциях молодых ученых, поэтов. Мне настолько повезло в жизни, я познакомилась с выдающимися людьми! Помню, приезжал Андрей Эшпай, Александр Ворошилов (тогда он пел в Большом театре), я работала с ними, писала интервью. Запомнились встречи с Юрием Гуляевым, первая встреча в эфире была 1 час. 45 мин. Он и пел, и рассказывал, потом у него прихватило сердце – валидол, передышка и снова запись. С ним было необыкновенно легко, с полуслова понимал собеседника, на лету подхватывал любую мысль. Сразу скажу: если ты не влюбишься в своего героя, никогда не получится добротной, интересной передачи...

«Золотой фонд» Тюменского радио

В. Гилев,
декабрь, 1972 г.

Репортаж об отправке первой баржи с тюменской нефтью.

9 часов 55 минут утра. Издали показывается пароход «Капитан», ведущий на буксире огромную нефтеналивную баржу. Судно встречают катера, пароход подходит к поселку и делает на реке своеобразный круг почета, приветствуя жителей Нефтеюганска продолжительными гудками. Вот судно приближается к пирсу. Грянул оркестр. Торжественно звучит марш. Необычно взволнован капитан парохода Николай Петрович Лукин. На его счету – 15 навигаций. 16-я оказалась нефтяной.

Ровно в час дня 26 мая 1964 года геологи Салманов, Шаповалов, Эрвье, товарищи Протозанов, Бахиллов открывают задвижки, перерезают алюю ленточку, и Усть-Балыкская нефть из резервуаров потоком пошла в отсеки баржи. Послушайте, как подобно морскому прибою плещется она в резервуарах.

Итак, свершилось! «Счастливого плавания! – напутствуют геологи речников, – Доброго пути, широкой зеленой улицы тебе, наша тюменская нефть!»

Среди легенд «нефтяной эпопеи» я вспоминаю, нет, помню всегда: Юрия Эрвье, Виктора Муравленко. Великие люди! В жизни простые, открытые, готовые прийти на помощь.

Наша работа трудная... Но это был праздник. Было до того на душе хорошо! Хотелось красиво одеться, причесаться, чтобы быть в форме. Диктор телевидения должен быть если не всепоглощающим, то многознающим. Если идешь на интервью, ты должен знать что-то о своем герое, о его деле. Что-то почитать, чтобы не

прийти к человеку «пустышкой».

Приехал как-то профессор из Москвы Никитин Николай Николаевич, который открыл лекарство против описторхоза. Сидели с ним в студии, а он рассказывает об открытии и через слово кал да кал. Я поправила: «А можно по-другому сказать?» «А как? В кале яйцеглист!» До сих пор смешно! Была встреча с Юрием Соломиным. Мы были знакомы с ним со студенческих лет. Я тогда снималась в массовке в фильме «Бессонная ночь». Нам, студентам, заработать

надо было, вот и пошли. Там и познакомились. Очень красивый был. С Зинаидой Кириенко запомнилось интервью.

«Я сегодня к микрофону, как к амбразуре становлюсь». Помните эти строчки Владимира Высоцкого? Долго-долго до меня не доходили эти слова. Оказывается, когдаходишь к микрофону, испытываешь столь острое волнение! Или когда идут наши позывные...

И сегодня, когда я слышу позывные радио, всякий раз чувствую свое сердце.

Борис МИШАТИН

Как я стал спортивным репортером

1944 год. Поздняя осень, морось, болтанка с борта на борт... Я – торпедист катера №579 – на боевом дежурстве в Тихом океане. Такие боевые вахты проходили две-три недели. Катера, как правило, располагались на расстоянии видимости, и связью был флажный семафор. Задача морского дозора – не допустить вражеский корабль или подводную лодку на внутренний рейд к Владивостоку.

Напряжение и усталость надвигались к концу смены на вахте. Однажды я вспомнил радиорепортажи Вадима Синявского с фут-

больных матчей и стал импровизировать – взял в руки небольшой предмет, будто микрофон и, подражая Синявскому, «вел репортаж с футбольного поля». В один из погожих вечеров, когда на верхней палубе была почти вся команда, а моторист Виктор Бородулин достал свой баян и моряки запели «Прощай, любимый город», я попросил радиста Колю Шмелева включить громкую связь и дать мне микрофон.